

ГОДЫ И МГНОВЕНЬЯ

**Перечитывая поэму Виктора Семерьянова
"Вольные цветы, или Сказ о Павлодаре" ("ЗП", 28 августа 1999 г.).**

Павлодар вступил в третье тысячелетие... В преддверии юбилейной даты я снова перечитал поэму Виктора Семерьянова, имевшую резонанс несколько месяцев назад. И снова услышал его голос, не меняющийся с годами, легко узнаваемый по мягкому тембру с тревожными оттенками. Пора бы уже войти в роль "патриарха"... Но нет. Семерьянов не становится в позу ментора, не поучает, не заносится. Он по-прежнему поглощен творчеством, в котором стремится выразить любовь к родным местам, друзьям, неизменной подруге жизни - короче, ко всему красивому, доброму, ясному, что не совмещается с диссонирующими гармониями. Удел поэта - трогательная простота и доверчивая естественность. Отсюда всплеск любви и признательности простых читателей - чему я был недавно свидетелем на творческом вечере поэта в музее Бухар жырау.

Поэма "Вольные цветы, или Сказ о Павлодаре" в композиционном плане сделана так, что каждая из семи главок воспринимается как отдельное стихотворение. Но, соединенные вместе, они образуют ту эмоциональную "магию", благодаря которой поэма воспринимается как единый поэтический "выдох" - протяжный, но безостановочный. Как будто поэт сел за письменный стол и сразу же доверил чистому бумажному листу все, что накопилось в его душе. Но на самом деле поэма вынашивалась давно, и ее высокий пафос (пусть местами риторический) длительно созрел в прежних стихах.

Уже в первой главке Семерьянов находит метафору для обозначения своей слитности с городом: "Года и мгновенья смешиваются во мне". Хорошая метафора. "Миг" рождения в другом месте поглощен долгим временем жизни в любимом городе - и поэт (опять-таки "мгновенно") освободился, не блуждая, от исторической случайности.

Самой опасной могла бы оказаться вторая главка, где легко сбиться на пересказ событий, связанных с возникновением и развитием Павлодара. Но примат духовного содержания нейтрализует документальные факты, тем более, что поэт по возможности старается

избегать социологических обобщений. Прозрачная субъективность чувств (что прежде считалось недостатком) здесь просто необходима. Она предохраняет, с одной стороны, от скучной документалистики, с другой - от непомерной экзальтации. Был, правда, момент, когда я улыбнулся:

*В Затоне поселились речники,
а в Жатаке - степной народ казахи.*

Так-то оно так. Да речники ведь - не национальность... Но это - между прочим. Чем значительней у автора мысль, тем тоньше и сознательнее его эстетические вкусы.

Любуясь неповторимыми приметам родного города, Семерьянов пытается сдержать свой незаурядный темперамент, который он "прячет" в лирически-грустных излияниях. К тому же здесь важен и момент переключения:

Павлодар, Павлодар...

Для кого-то - лишь в книге страница,

*для кого-то Усолка,
крылечко родимой избы...*

Что же он для меня?

*Это память моя, это лица
тех людей, без которых
меня бы могло и не быть.*

Тут действительно калейдоскоп людей: Багаев, Батурин, Торайгыров, Муса, Теплов, Васильев, Иванов, Новоселов, Естай, Бекхожин... И незримо присутствуют те, неназванные, о которых можно сказать пушкинской строкой: "Иных уж нет, а те - далече". Может быть, обилие имен создает впечатление "выставочности". Но, во-первых, с подобным вернисажем не стыдно предстать перед лицом всего мира. А во-вторых, это та авторская территория, которая позволяет расширить тематику поэмы и проявить свой собственный духовный облик. Ибо самый главный человеческий талант - это талант благодарности.

Поэту чужда политическая критика. Даже имена Ленина и Сталина мелькают абсолютно нейтрально - как имена, принадлежащие истории. Это тот случай, когда конкретная оценка (неважно - положительная или отрицательная) могла бы снизить общий художественный уровень поэмы. Любой теоретик литературы вам объяснит, что излишняя детализация и "уточнения" в художественном творчестве гораз-

до опасней, чем небрежность и поспешность. Для поэта важно совершенно другое:

Если кто-то забыт -

Это наша нечистая совесть,

а убитый поэт -

это наш неискупленный грех.

Так сказано в главке, посвященной Павлу Васильеву, и этим сказано все. Пусть читатель сам переработает и уточнит остальное.

Романтизируя город, поэт все же не уходит от жестокой действительности. Он знает, как трудно повисить культуру труда в обстановке, когда шикуют господа, а от нищих нет отбоя. Он удручен жизненными конфликтами, в результате которых остановились фабрики и заводы, а сотни здоровых мужчин месяцами (или годами?) слоняются без дела. В пренебрежительном отношении к народу и к конкретной личности поэт видит источник главных наших бед: "Ах, сколько ж мы понатворили зла!" Мне нравится, что Виктор Семерьянов говорит "мы", а не "они". Потому что перед судом нашей совести должна в первую очередь предстать собственная душевная инертность. А самокритика, над которой сегодня принято смеяться, это все-таки испытанное оружие сильных.

Павлодар ждет перемен... Вот почему поэма оставляет освежающее впечатление. Это впечатление порождено не только ее общим настроением, но и лучезарной концовкой, где автор, давая простор своей фантазии, устраивает "праздник вольных цветов". Вольные цветы, как известно, растут сами, не руководствуясь чьими-то вкусами и пристрастиями. Вот где повод заново перемешать "года и мгновенья"! Вот где повод собрать замечательных людей, живших в разные времена, и приступить к чтению стихов "по кругу!" А звездное небо и волны Иртыша будут служить источником высокого вдохновения...

Поэт создает атмосферу всеобщей любви и душевной контактности. Таким ему видится мифический Павлодар, воскресший для новой жизни. А что остается пожелать реальному городу?

*Дай Бог ему хороший гороскоп
и солнышка - как доброго напитка!*

Что ж - дай Бог...